

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ И. А. ИСАЕВА
«МИФОЛОГЕМЫ ЗАКОНА. ПРАВО И ЛИТЕРАТУРА»
(М.: ПРОСПЕКТ, 2016)

Новая работа профессора И. А. Исаева посвящена изучению взаимосвязей Права и Литературы. Крупнейшему представителю метафизической школы интересен надпозитивный контекст, лежащий в основе юридических понятий и в целом правовых явлений. С опорой на уникальный эмпирический материал литературных и философских текстов автор доказывает: художественные образы и эстетические категории, с которыми было связано восприятие правовых реалий в пору их зарождения и становления, не утратили жизненности и в наши дни. Помогая выявлению не только исторических, но и онтологических истоков права, предлагаемый подход, в частности, раскрывает с неожиданной стороны феномены «моноорма» и «синкретизм».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исторические и онтологические связи права и литературы, метафизика права, логоцентризм, романтическая парадигма, моноорма, правовой синкретизм.

In his new book professor I. A. Isaev considers the interaction between the Literature and the Law. The author is a leading representative of the metaphysical school within the Russian philosophy of law. He explores the supra-positive context underlying legal notions and legal phenomena in general. Based on the empirical material of literary and philosophical texts, the author proves that the imagery and aesthetic categories (which were connected with perception of the legal realities in the period of their formation and development) are still vivid nowadays. This approach helps to identify not only historical and ontological origins of law. It reveals, in particular, an unexpected aspect of such phenomena as "mono-norm" and "legal syncretism".

KEYWORDS: historical and ontological interaction between law and literature, metaphysics of law, logocentrism, romantic paradigm, mono-norm, legal syncretism.

Беря в руки только что увидевшую свет книгу Игоря Исаева, всякий раз вглядываешься в вынесенное на обложку изображение. Ведь, остро соотнося визуальное вступление с существом повествования, автор никогда не передоверяет выбор художникам-оформителям.

Обложку монографии «Мифологемы закона. Право и литература» украшают «Двое смотрящих на луну» корифея немецкого романтизма Каспара Давида Фридриха.

То, что передний план у этого живописца, несмотря на большое внимание, уделяемое его проработке, не выступает центром картины, совсем не случайно. Романтизм, в том числе в изобразительном искусстве, утверждает присутствие в повседневном и видимом высшего и скрытого, дальнего и горнего. За объемным мотивом на авансцене скрывается

второй план. Разглядеть его возможно, лишь возвысившись и углубившись до самозабвения в суть изображаемого.

Схожим представлением относительно соотношения в праве явного и скрытого отмечены работы автора последнего десятилетия. Будучи посвящены всеобъемлющему, а значит, метафизическому, контексту, который, окружая правовое, одновременно питает и растворяет его в себе, они в чем-то подобны романтическому пейзажу по своему основополагающему замыслу и общей стилистике. Собственно говоря, подлинной философии права, в отличие от догматики и общей теории права, подобает, вероятно, изъясняться именно в этой модальности...

Что образует краеугольный камень духовной традиции, к которой мы пока, хотя уже далеко не полностью, еще принадлежим? Пожалуй, представление о возможности отображения Сущего в Слове. И более того, о средоточии первого во втором.

Этот покоящийся на античных и иудеохристианских началах логоцентризм обусловил обретение европейской культурой своих вершин именно в Литературе и в Праве. А потому внимание к их узам и пересечениям, сплетениям и наложениям приподымает завесу над истоками юридического. Причем истоками не только и не столько историческими, сколько и онтологическими.

Скрещения двух великих доменов европейской культуры определили сюжеты новой книги профессора Исаева. Погружая в мир образов, окутывавших восприятие правовых реалий в пору их зарождения и становления, она вместе с тем раскрывает оптику, сквозь которую правовое во многом воспринимается и доньше.

Однако для того чтобы разглядеть лики Права, о которых идет речь, недостаточно мастерски подобрать и умело скомпоновать эмпирический материал (в данном случае обширнейший корпус литературных и философских текстов).

Важно задуматься над горькими и мудрыми словами Мирча Элиаде о смерти как следствии равнодушия к проблеме бессмертия. И решиться противопоставить мертвящему воздействию разного рода нормативистских подходов открытость метафизическим допущениям.

Важно предположить существование в праве интенций, не просматривающихся ни в нормативистской, ни в социолого-правовой перспективе. И решиться наполнить понимание права тем, что, казалось бы, дотла выжжено в пору методологического господства позитивизма.

Следуя этими путями, автор отыскивает и воссоединяет нити, связующие научное знание о праве с иными пластами гуманитарной мысли. В особенности — в ее до- и вненаучном, прежде всего художественном, обличье.

Манера изложения — крайне уплотненная в содержательном отношении и одновременно предельно внятная, до какой-то особой, присущей слогу И. А. Исаева прозрачности, — помогает читателю одолеть бисерный шрифт и почти полное отсутствие межстрочных интервалов (увы, полиграфический *fatum* всех выходящих в «Проспекте» его изданий) и вслед

за автором подойти с весьма неожиданной стороны к пониманию феномена, обычно называемого «правовым синкретизмом».

То, о чем теоретики права склонны рассуждать сугубо умозрительно; то, что заставляет историков права высказываться предположительно либо звать на помощь историков-ориенталистов, этнографов и этнологов, по прочтении «Мифологем закона» начинаешь не только понимать, но и буквально осязать. Ощущать как в глубинах еще единой регуляции, пока не распавшейся на отдельные нормативные системы, подспудно, рваным, но постепенно выравнивающимся ритмом, начинает биться пульс собственно правового начала. Как протекает скрытая до времени кристаллизация юридических категорий. И какие вроде бы отнюдь не принадлежащие правовой материи явления служат неоспоримым тому подтверждением.

Знакомые по учебникам, изредка встречающиеся в теоретико-правовой литературе и представавшие столь отвлеченными понятия «мононорма», «синкретизм» и т. д. становятся жизненными и рельефными. Оказывается, они постижимы не только интеллигентно, но и образно-эмоционально. Причем не менее, а, быть может, более глубоко и емко.

Проливая свет на давнее прошлое права, изыскания профессора Исаева позволяют глубже понять право и в его потаенном настоящем.

Они убеждают в нераздельности сплоченного единой образностью и опорного для соответствующей культурной традиции гештальта.

Они доказывают вторичность последующих разделений на так называемые отрасли гуманитарного/социального знания, с точки зрения присутствующей на уровне коллективного сознания (а большей частью и коллективного бессознательного) слитности.

Они свидетельствуют о неизбежности синкретизма. Состояния, с которым обыкновенно принято соотносить лишь самую раннюю стадию правогенеза, а с удалением от него — связывать «прогрессивное» развитие права.

Они показывают, что право в своих конечных основаниях и в двадцать первом столетии по-прежнему восходит к тем же самым мифологемам, которые, как во времена Софокла и Данте, продолжают оставаться смыслообразующими и для литературы.

...В картине, вынесенной на обложку, обращенные к ландшафту и заворожено погруженные в созерцание фигуры являют собой своего рода точку вхождения в бесконечность и вечность, перехода от эмпирического к символическому. Этот характерный для Фридриха прием переноса в пространство картины зрителя вполне созвучен размышлениям автора о глубинном тождестве — не только исходном, но и актуальном — Права и Литературы. О том, что они по-прежнему являют собой единый вход, через который знающим открывается пространство трансцендентных истин...

При этом в «Мифологемах закона», как и во всей метафизической эпопее, нет наставительной проповеди нового учения о праве.

Нет и яростной полемики с иноверцами.

Напоминая об иных путях познания права, высвечивая предельные вопросы, упорно оставляемые без какого-либо ответа позитивистски

ориентированной юридической наукой, эти тексты явственно обозначают разрыв между ее когнитивными претензиями и ее действительными возможностями. Словно слышится восклицание из старой сказки: «Тень, знай свое место!»; возглас, как помним, восстанавливающий истинный порядок вещей.

...Величественные пейзажи Фридриха насыщены символами. Внешнее — парус в морской дали, мерцающие ледяные глыбы, позабытые на побережье якоря, закатное солнце — всегда говорит о чем-то главном, хотя и не явном. Позволяя проникнуть в скрытую суть правового, подобную же роль играют мифологемы, на языке которых — подобно созерцателям Луны с полотна немецкого романтика — протекает нескончаемый диалог двух собеседников — Права и Литературы, двояко познающих единую сущность.

Карцов Алексей Сергеевич,
доктор юридических наук,
Советник Конституционного Суда
Российской Федерации

Kartsov Alexey Sergeevich,
doctor of legal sciences,
Advisor to the Constitutional Court
of the Russian Federation

E-mail: kartsov@gmail.com
© Карцов А. С., 2016